

**Гнилые души.
Антология
тёмного фэнтези**

RemVoVo

RemVoVo RemVoVo

Гнилые души. Антология тёмного фэнтези

<https://litres.ru/74003529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь никто не спасает мир. Здесь выживают или умирают красиво.

Тридцать историй о тех, кого проклинали — или кто проклинал себя сам. Эльфы, гномы, вампиры, оборотни, вурдалаки. Служанка, убившая сестру ради вампира. Охотник, ставший рабом своей жертвы. Вурдалак, вырастивший девочку-психопатку. Девушка, взорвавшая гору, чтобы освободить душу отца.

Каждая глава — отдельный мир. Каждый герой — злодей, которого хочется обнять. Их объединяет одно: падающая зелёная звезда, исполняющая желания но всегда не так, как вы ждали.

«Любить монстра — это не слабость. Это приговор».

Содержание

Глава 1. Сахар и пепел	4
Глава 2. Чёрное молоко	19
Глава 3. Глиняный бог	32
Глава 4. Серебряная свадьба	45
Глава 5. Спящая с волками	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Гнилые души. Антология тёмного фэнтези

Глава 1. Сахар и пепел

Эмили стояла на коленях в трюме, где пахло кислым потом и гнилой соломой. Она держала миску со свиной кровью. Сгустки плавали на поверхности, как тёмные медузы. Каждую ночь она приносила эту миску в спальню графа, каждую ночь он кривил свой бледный рот, но пил. Пил, не глядя на неё. Для него она была не служанкой даже — приложением к посуде.

Сегодня граф Джонатан Блэквуд сидел у окна. Луна висела красная, как вырезанный глаз. Он снял очки без диоптрий — те самые, что носил, чтобы казаться человечнее, — и положил их на подлокотник кресла. Без очков его лицо стало чужим: хищным, с глубокими впадинами под скулами. Эмили видела это лицо в своих снах пять лет. Каждую ночь она просыпалась с криком, потому что во сне он её целовал, а наяву даже не смотрел.

– Поставь на стол, – сказал он.

Голос у графа был низкий, с хрипотцой, как будто кто-то терпеливо драил его горло наждаком.

Эмили поставила миску. Кровь плеснула на край, капля

упала на белую скатерть. Она замерла, ожидая окрика. Но граф смотрел в окно. На небе что-то дрожало — звезда. Одна звезда, которая двигалась. Падала, оставляя за собой зелёный хвост.

– Падающая звезда, – прошептала Эмили.

– Загадывай желание, – усмехнулся граф. – Только у нас, вампиров, желания исполняются иначе. Мы загадываем не звёздам, а теням.

Он повернулся к ней. Впервые за месяц посмотрел в глаза. Эмили почувствовала, как её живот сжался в узел — от страха или от любви, она уже не различала. Граф поднялся. Он был выше на две головы, и когда приближался, его тень накрывала её целиком, как саван.

– Ты знаешь, что у тебя есть сестра-близнец? – спросил он.

Эмили похолодела. Она знала. Мать рассказывала перед смертью: девочек разлучили при рождении, потому что близнецы в их роду приносят несчастье. Сестру назвали Элизабет. Она жила в деревне в двадцати милях отсюда, работала на ферме, растила детей, которых нажила от какого-то конюха. Эмили никогда её не видела, но каждую ночь перед сном шептала: *«Сестра, я здесь, ты там, мы одинаковые»*.

– Твоя сестра – оборотень, – сказал граф.

Эмили не поверила сначала. Оборотни – низшая раса, грязная кровь, смесь человека и зверя. Вампиры презирали их, как скотов презирают волков. Но граф говорил спокой-

но, даже скучаяюще, и в его словах не было лжи.

– Элизабет – оборотень, – повторил он. – Она унаследовала проклятие от вашей прабабки. А ты – нет. Ты чистая. Поэтому я выбрал тебя, Эмили.

Выбрал. Это слово ударило под дых.

– Что значит выбрали, милорд?

Граф взял её за подбородок. Пальцы были холодные, как сталь. Он повернул её лицо к свету, рассматривая родимое пятно на шее – маленькое тёмное пятно в форме укуса.

– Ты приносишь мне свиную кровь пять лет, – сказал он. – Ты думала, я не замечаю? Я замечаю всё. Я видел, как ты гладишь мои рубашки и вдыхаешь мой запах. Как ты оставляешь локон волос на моей подушке. Как плачешь по ночам в своей каморке, потому что любишь меня. Я знаю, Эмили. И я принимаю твою любовь.

Слёзы хлынули сами. Не от радости – от стыда. Он всё видел. Всё. Её мечты, её слёзы, её грязные фантазии. И теперь стоял и смотрел, как она плачет, даже не протянув платка.

– Я хочу сделать тебе предложение, – сказал граф.

– Предложение? – голос Эмили дрогнул.

– Ты убьёшь свою сестру Элизабет. Наденешь её платье, притворишься ею. Я женюсь на ней – на мертвой. Так я получу её земли. Через неделю после свадьбы ты якобы умираешь от лихорадки. А на самом деле ты будешь жить здесь, в подземелье, и каждую ночь приходишь ко мне. Я сделаю тебя своей любовницей. Тайной. Вечной.

Эмили зажмурилась. В голове зашумело, как в улье. Убить сестру? Ту, с которой она говорила по ночам молитвами? Надеть её лицо, как перчатку? Лечь в постель к вампиру, который даже не назовёт её женой?

– А если я откажусь? – выдавила она.

Граф улыбнулся. Улыбка была красивая – и страшная, потому что в ней не было ни капли тепла.

– Тогда я убью тебя сейчас, – сказал он. – И найду другую служанку. Ты не единственная, кто любит меня, Эмили. Но ты – единственная, у кого есть сестра-оборотень.

Она стояла, сжимая подол платья. Пальцы побелели. Пятно на шее пульсировало, как второй пульс. Снаружи падающая звезда уже скрылась за горизонтом, но зелёное свечение ещё висело в воздухе, как дурной знак.

– У меня нет выбора, – сказала она.

– У тебя всегда есть выбор, – ответил граф. – Умереть или жить. Я предлагаю жить.

– С вами.

– Со мной, – кивнул он. – В подземелье, в темноте, на цепи. Но ты будешь видеть меня каждый день. Ты будешь прикасаться ко мне. Разве не этого ты хотела?

Эмили заплакала снова, но уже молча. Слёзы текли по щекам, и она слизывала их с губ – солёные, горькие. Она хотела другого. Она хотела, чтобы он полюбил её. Но вампиры не любят, они только используют. Она знала это с детства, когда мать рассказывала сказки: *«Вампиры берут твоё сердце,*

а взамен дают пустоту».

– Да, – сказала она. – Я сделаю это.

Граф кивнул. Достал из кармана жилета кинжал – тонкий, с рукоятью из чёрного дерева. Протянул ей.

– Убей её этим. Серебро. Обратни не переносят серебро. И не вздумай вонзить в себя – для человека это просто острый нож.

Эмили взяла кинжал. Лезвие холодило ладонь. Она спрятала его под фартук, где ткань была толще, чтобы не порезаться.

– Завтра на рассвете ты выйдешь через чёрный ход, – сказал граф. – Возьмёшь лошадь из конюшни. Доберёшься до деревни Гнилые Топи. Найди дом с красной дверью. Там живёт твоя сестра. Убей. Вернись. И мы сыграем свадьбу.

– Свадьбу с трупом, – уточнила Эмили.

– С тобой, – поправил граф. – Но под другим именем. Ты готова стать никем, Эмили? Стать тенью своей мёртвой сестры?

Она посмотрела в его глаза – тёмные, с красными прожилками, как у крысы. В них не было ни сочувствия, ни любви. Только расчёт. И почему-то это её заводило.

– Я готова, – сказала она.

– Тогда иди. И помни: если ты убежишь или предашь меня, я найду тебя. Я везде. Я – тень, которая не отстаёт.

Эмили вышла. За дверь спальни она прислонилась к стене и выдохнула воздух, которого, казалось, не вдыхала по-

следние десять минут. Кинжал под фартуком давил на живот. Она прошла по коридору мимо портретов предков графа – все они смотрели на неё одинаковыми мёртвыми глазами.

В своей каморке Эмили разделась. Сняла платье, испачканное кровью (свиной, ничего страшного), надела чистое. Спрятала кинжал в сапог. Легла на соломенный тюфяк. Не спала. Смотрела в маленькое окошко под потолком. Там, за стеклом, небо постепенно светлело – от чёрного к серому.

Вдруг она увидела ещё одну звезду. Или ту же самую? Зелёная, падающая, она прочертила полосу прямо над домом графа. Эмили зажмурилась и загадала желание.

«Хочу, чтобы он меня полюбил».

Но звезда уже упала. А желания, загаданные вампирскими служанками, не сбываются никогда.

Утром Эмили вышла через чёрный ход. Двор был пуст. Конюх спал в стойле, пьяный. Она оседлала старую кобылу по имени Серая, вывела за ворота. Дорога в Гнилые Топи шла через лес – тот самый лес, где по ночам выли волки, а по слухам, бродили вурдалаки. Эмили не боялась. Страх выгорел за ночь, осталась только тошнотворная решимость.

Она ехала и думала о сестре. Что она? Высокая? Низкая? Смеётся ли так же, как Эмили, – в ладонь, когда стесняется? Имеет ли ту же родинку на шее? Мать говорила, что у близ-

нецов бывают одинаковые метки.

– Мы одинаковые, – прошептала Эмили лошади. – Я убью себя в её лице.

Лес становился гуще. Ветви цеплялись за платье, рвали кружево. Эмили не обращала внимания. Она сжимала в сапоге рукоять кинжала. Серебро грело – или ей казалось?

К полудню она добралась до деревни. Гнилые Топи оправдывали название: дома стояли на сваях, между ними хлюпала жижа, пахло тухлыми яйцами и болотным газом. Детей не было видно – все сидели по домам, прятались от солнца, которое здесь казалось желтоватым, больным.

Красная дверь. Эмили нашла её сразу. Дом был чуть больше сарая, с покосившейся крышей. Из трубы шёл дым. Она слезла с лошади, привязала к забору. Постучала.

Дверь открыла женщина. Та же форма лица, что у Эмили. Те же глаза – серые, с зеленцой. Та же родинка на шее. Но волосы тёмные, мышинные, а у Эмили – русые. И одета богаче: шерстяное платье, кожаный передник.

– Ты, – сказала сестра.

Голос низкий, с хрипотцой – почти как у графа.

– Ты меня знаешь? – спросила Эмили.

– Я знала, что ты придёшь. Три ночи назад мне приснилась падающая звезда. Она упала в твой колодец. И голос сказал: «Сестра придёт с серебром».

Эмили похолодела. Кинжал в сапоге вдруг стал тяжёлым, как свинец.

– Заходи, – сказала Элизабет. – Не стой на пороге. У нас в деревне говорят: кто долго стоит у красной двери, того забирают болотные огни.

Она вошла. Внутри пахло сушёными травами и кислым молоком. На столе лежал хлеб, стоял кувшин. В углу – детская люлька, но пустая. Эмили спросила:

– Говорят, у тебя есть дети.

– Были, – ответила Элизабет. – Обратни не могут рождать живых детей. Они рождаются мёртвыми или... другими. Мои умерли. Все трое. Похоронила на болоте. Там теперь растут белые цветы. Хочешь посмотреть?

Эмили покачала головой. Она сжимала рукоять кинжала под юбкой, но не могла вытащить. Руки не слушались.

– Зачем ты пришла? – спросила Элизабет. – Граф прислал?

– Откуда ты знаешь про графа?

– Я всё знаю про тебя, сестра. Я чувствую твою боль каждую ночь. Когда ты плачешь в подушку, у меня горят глаза. Когда ты трогаешь себя, думая о нём, у меня сводит живот. Мы связаны. Неужели ты не чувствуешь?

Эмили почувствовала. Вдруг, как удар под дых. В груди что-то заныло, заныло в унисон с болью в глазах Элизабет. Это было странное, чужое ощущение – будто две души трут-ся друг о друга сквозь кожу.

– Граф хочет, чтобы я тебя убила, – выдохнула Эмили. – Чтобы жениться на твоём трупе и забрать земли.

Элизабет усмехнулась. Усмешка была кривой, почти злой.

– Он дурак, – сказала она. – Мои земли – болото. Там ничего не растёт, кроме клюквы и белых цветов. Но он не знает. Он думает, что под болотом залежи серебра. Там нет серебра. Там только мои дети. Мёртвые.

Эмили вытащила кинжал. Лезвие блеснуло в полумраке.

– Я должна, – сказала она.

– Ты должна? Или хочешь? – Элизабет встала из-за стола. Она была выше Эмили на полголовы. – Ты хочешь убить меня, чтобы он полюбил тебя? Думаешь, полюбит? Вампиры не любят. Они потребляют. Ты станешь его рабыней. Его игрушкой. Его едой.

– Заткнись! – закричала Эмили. – Ты не знаешь его!

– Я знаю таких, как он. Я оборотень. Мой отец был вампиром. Он изнасиловал нашу мать, а потом убил. Ты носишь его кровь, сестра. Мы обе – дочери вампира. Граф Блэквуд – наш единокровный брат. Он нашёл нас, потому что чувствует родную кровь.

Эмили выронила кинжал. Тот звякнул о дощатый пол, оставив чёрную царапину.

– Брат? – прошептала она.

– Да. Тот самый вампир, который надругался над матерью. Он не знает, что мы его дочери. Но чувствует. Поэтому хочет жениться на мне – на своей сестре. Инцест для вампиров – не грех, а удовольствие.

Эмили стошнило. Желчь обожгла горло. Она упала на ко-

лени, рядом с кинжалом. Схватила его, но не для того, чтобы убить сестру, – чтобы убить себя.

– Не надо, – Элизабет выбила кинжал ударом ноги. – Ты не умрёшь. Ты будешь жить. И мы вместе отомстим.

– Как?

– Я знаю ритуал. Если сестра-близнец убьёт другую и выпьет её кровь, она получит её силу. Ты станешь оборотнем, как я. Но с одним отличием – ты сохранишь рассудок. Мы сольёмся в одну. Я буду жить в тебе. Говорить твоим голосом. Кусать твоими зубами. И мы вместе войдём в дом графа. Как одна. А потом – убьём его.

Эмили подняла кинжал. Серебро уже не холодило, жгло. Она посмотрела на сестру. В её глазах горел зелёный огонь – такой же, как у падающей звезды.

– Ты уверена? – спросила Эмили.

– У нас нет выбора, – ответила Элизабет. – Либо ты убьёшь меня, и я воскресну в тебе. Либо я убью тебя – и ты воскреснешь во мне. Но мы станем одной. Это единственный способ победить вампира. Оборотень в одиночку слаб. А вдвоём – в одном теле – силён.

– Я не хочу терять себя, – прошептала Эмили.

– Ты не потеряешь. Ты обретёшь. Мы обе были половинками. Теперь станем целым.

Элизабет взяла руку Эмили с кинжалом и навела остриё себе на грудь. Туда, где билось сердце.

– Бей, – сказала она. – Бей быстро. Я не буду кричать.

Оборотни умеют умирать молча.

Эмили зажмурилась. Вдавила кинжал. Серебро вошло в плоть как в масло – мягко, почти ласково. Элизабет охнула. Кровь брызнула, тёмная, почти чёрная, с серебряными искрами. Она упала на спину, на глиняный пол. Тело дёрнулось раз, другой – и замерло.

Но глаза остались открытыми. И в них горел тот же зелёный огонь.

Эмили смотрела, как кровь растекается по полу, подползает к её коленям. Она не плакала. Внутри не было ничего – ни жалости, ни страха, ни радости. Только пустота. И вдруг пустота заполнилась голосом.

«Пей», – сказала Элизабет из мёртвых глаз.

Эмили наклонилась, припала губами к ране. Кровь была тёплой, солёной, с привкусом мёда и железа. Она пила, пила, пила – пока не почувствовала, как что-то шевелится внутри. Как будто в желудке растёт второй желудок, в груди – второе сердце, в голове – второй разум.

«Теперь я здесь», – сказала Элизабет у неё в голове. *«Мы одна. Вставай. Иди к графу. Он ждёт».*

Эмили поднялась. Тело слушалось, но движения стали чуть быстрее, чуть резче, как у хищника. Она посмотрела в маленькое зеркало на стене. В зеркале – её лицо. Но глаза – зелёные, как у сестры, как у падающей звезды.

Она сняла с трупа платье, надела его. Оно пахло болотом и белыми цветами. Кинжал вытерла о юбку сестры и сунула

за пояс. На прощание накрыла тело простынёй.

– Спи, сестра, – сказала она вслух. – Ты теперь во мне.

Изнутри пришёл смех. Тихий, ласковый, злой.

«Я не сплю, – сказала Элизабет. – Я смотрю твоими глазами. Иди. Сыграем свадьбу».

Эмили вышла из дома. Небо затянуло тучами. Но сквозь них пробивался зелёный луч – последний свет той самой звезды, что упала на рассвете. Эмили подняла голову и загадала новое желание.

«Хочу, чтобы граф умер медленно».

Звезда мигнула – и погасла навсегда.

Через три дня Эмили сидела в спальне графа Блэквуда. На ней было свадебное платье сестры – белое, кружевное, с пятнами крови, которые не отстирались. Граф стоял у алтаря, импровизированного из старых книг. Священника не было – вампиры не признают церковь.

– Я беру тебя в жёны, Элизабет Блэквуд, – сказал граф, глядя на Эмили.

Он назвал её чужим именем. Не заметил подмены. Не почувал запаха сестринской крови, который пропитал её кожу. Или почувал, но решил, что это естественно – ведь она якобы убила сестру-оборотня.

– Я согласна, – ответила Эмили.

Граф поцеловал её. Губы холодные, как лёд. Она поцело-

вала в ответ, чувствуя, как внутри шевелится Элизабет.

«Сейчас, – прошептала та. – Сейчас укуси его. Я превращу твою слюну в волчий яд. Он умрёт через минуту».

Эмили отстранилась. Посмотрела в глаза графу. Его красивое лицо было спокойным. Он думал, что победил. Что его план сработал. Что теперь он владеет землями и телом глупой служанки.

– Милорд, – сказала Эмили. – Вы знаете, что такое падающая звезда?

– Что? – он нахмурился.

– Это когда желание сбывается, но не так, как ты хотел.

Она укусила его. Сильно, в нижнюю губу. Граф дёрнулся, но не от боли – от удивления. Кровь вампира – чёрная, густая – брызнула ей в рот. Она проглотила. И тут же почувствовала, как тело начинает меняться.

Кости ломались, перестраиваясь. Мышцы наливались силой. Кожа покрывалась шерстью. Эмили падала на четвереньки, превращаясь – но не в обычного оборотня. В нечто среднее. С глазами, горящими зелёным. С двумя душами внутри.

– Что ты сделала? – прохрипел граф, отступая к окну.

Эмили – или уже не Эмили – поднялась на задних лапах. Ростом стала выше графа. Пасть раскрылась, обнажая клыки в два ряда.

«Мы сделали то, что должны были», – сказали два голоса одновременно. Её голос и голос сестры.

– Ты хотел жениться на мёртвой, – сказала она (они). – Ты получил мёртвую. И нас. Двух мёртвых в одном теле.

Граф попытался выскочить в окно. Но оно было заперто. Эмили поймала его за ногу, развернула к себе. Посмотрела в глаза. В его глазах – наконец-то – она увидела страх.

– Ты боишься, милорд? – спросила она. – А я боялась пять лет. Теперь моя очередь.

Она разорвала ему горло зубами. Кровь хлынула фонтаном. Граф упал на пол, корчась в агонии. Вампиры умирают долго – минут десять. У Эмили было время. Она села рядом, облизнула окровавленную морду и принялась ждать.

Внутри Элизабет пела колыбельную. Ту самую, что пела их мать перед смертью.

«Спи, дитя, спи. Волк придёт, но не тронет. Потому что волк – это ты».

Когда граф перестал дышать, Эмили выпрямилась. Посмотрела в окно. Там, в чёрном небе, загоралась новая звезда. Зелёная. Она падала прямо на дом.

– Одна звезда потухла, – сказала Эмили. – Зажглась другая.

«Так всегда», – ответила сестра. – «Смерть – это просто начало».

Эмили шагнула в окно, разбив стекло. Упала на землю – мягко, на четыре лапы. И побежала в лес. Прочь от горящего особняка. Навстречу новой тьме.

Звезда упала за горизонт. И больше никогда не поднима-

лась.

Глава 2. Чёрное молоко

Маркус проснулся в луже собственной крови. Левая рука была прибита к полу церковной свечой – длинной, железной, с остатками воска на конце. Свеча прошла сквозь ладонь и вошла в доску на два дюйма. Он попытался выдернуть – не вышло. Сухожилия хрустнули, и Маркус зарычал, скорее от злости, чем от боли. Боль он привык терпеть. После того как вампиры вырезали его приход два года назад, он поклялся не кричать.

Церковь была разрушена. Крыша отсутствовала, сквозь дыры лился серый рассветный свет. С потолка свисали обрывки фресок – святые без лиц, богородица с отбитой головой. Маркус лежал на том месте, где раньше стоял алтарь. Теперь здесь был только чёрный круг – след от костра, в котором сожгли последнего священника.

– Ты жив? – спросила она.

Голос был тонкий, почти детский, но с хрипотцой. Маркус повернул голову. В углу, за грудой щебня, сидела девушка. Лет семнадцати, бледная, с тёмными кругами под глазами. Губы – синие, как у утопленницы. Она сжимала в руках свою левую кисть – ту, которую Маркус отрубил прошлой ночью.

– Ты ещё здесь, – сказал Маркус. – Почему ты не сдохла?

– Вампиры недохнут от потери руки, – ответила она. – Мыдохнем от серебра и солнца. А солнце ещё не взошло.

Она говорила спокойно, даже скучающе, как будто обсуждала погоду. Маркус ненавидел этот тон. Два года он охотился на вампиров, и каждый из них перед смертью надевал маску безразличия. Это бесило больше, чем клыки.

Он вспомнил, как поймал её. Вчера вечером она пила кровь у могилы своей матери – она, безымянная неофитка, обратилась всего месяц назад. Маркус отследил её по запаху: от неё пахло гвоздикой и могильной землёй. Он набросился из засады, отрубил ей левую руку, но она вырвалась и успела прибить его к полу церковной свечой. Теперь они лежали в руинах, ждали рассвета, и никто из них не мог закончить начатое.

– Зачем ты приходила на могилу? – спросил Маркус.

– Прощаться, – ответила девушка. – Моя мать умерла вчера. Не от меня. От старости. Я хотела попросить у неё прощения. За то, что стала... этим.

Она подняла обрубок – кровь уже запеклась, края раны почернели. Маркус знал: вампиры не регенерируют конечности. Она останется однорукой навсегда. И от этого ему стало почти жаль её. Почти.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Лилия.

– Тебя обратили насильно, Лилия?

Она кивнула. Глаза заблестели – у вампиров вместо слёз выступает сукровица, красная и липкая.

– Мой дядя. Он был старым вампиром, хотел себе служан-

ку на ночь. Но я сбежала. Теперь он ищет меня. Ты мог бы убить его. Заодно и меня за компанию.

Маркус задумался. Свеча в ладони пульсировала, как зубная боль. Он мог бы предложить сделку. Она приводит его к дяде, он убивает обоих – и её, и старика. Два вампира одной серебряной пулей. Но для этого нужно сначала вытащить свечу. А для этого – довериться ей.

– Ты не убежишь? – спросил он.

– Куда мне бежать? – она усмехнулась. – Без руки, на расвете, с охотником, который меня преследует. Я уже мертва. Просто ещё двигаюсь.

Маркус выругался сквозь зубы. Он ненавидел сделки с нечистью, но другого выхода не было. Свеча не давала ему подняться, а если он не встанет до полудня, его найдут другие вампиры – те, кто не будет торговаться.

– Вытащи свечу, – сказал он. – Тогда поговорим.

Лилия подползла. Обрубком левой руки она придерживала себя, правой взялась за свечу. Маркус зажмурился. Она выдернула – быстро, резко. Кровь брызнула вверх, как из фонтана. Маркус зарычал, но не закричал. Когда открыл глаза, она сидела в двух шагах, сжимая свечу в руке. На лезвии висели куски его плоти.

– Теперь ты мой должник, – сказала она.

– Я никому не должен, – ответил Маркус, поднимаясь. Левая рука висела плетью, но он затянул ремень поверх раны. Кровь почти остановилась. – Ты приведешь меня к своему

дяде. Я убью его. А потом – тебя.

– Согласна, – кивнула Лилия. – Но ты не сможешь меня убить. Потому что ты уже не охотник.

– Что ты имеешь в виду?

Она указала на его ладонь – туда, где была рана от свечи. Края раны не краснели, а чернели. Маркус принялся. Из раны пахло не кровью – чем-то сладким, приторным, как переспевшая вишня.

– Свеча была в меня воткнута до того, как ты её схватил, – сказала Лилия. – На ней была моя кровь. Вампирская. Теперь она у тебя в крови. Ты не станешь вампиром, но ты перестанешь быть человеком. Ты не сможешь убить меня, потому что я – твоя первая жертва. Мы связаны.

Маркус выругался. Громко, матом, как сапожник. Схватил серебряный нож, висевший на поясе, и хотел отрезать себе ладонь – но рука не слушалась. Пальцы сжались, нож упал на пол.

– Видишь? – сказала Лилия. – Тело уже не твоё. Оно наше. Общее.

Она поднялась. Была ниже его на голову, но смотрела сверху вниз – потому что Маркус стоял на коленях, пытаясь справиться с дрожью.

– Падающая звезда, – вдруг сказала она, глядя в дыру в крыше. – Смотри.

Маркус поднял глаза. В сером небе, сквозь разрывы туч, падала звезда. Зелёная, с длинным хвостом. Она летела мед-

леннее обычных метеоров, как будто кто-то подталкивал её сзади.

– Загадай желание, – сказала Лилия. – Говорят, вампирские желания исполняются. Но не так, как ты ждёшь.

Маркус закрыл глаза. Он загадал одно: «Хочу, чтобы она умерла сегодня». Открыл глаза. Звезда уже скрылась. Лилия стояла, улыбалась – и не умирала.

– Не сработало, – сказала она. – Видимо, твоё желание не вампирское.

– Я человек, – прорычал Маркус.

– Ты был человеком, – поправила Лилия. – Теперь ты нечто среднее. Как и я. Пойдём. Дядя ждёт.

Они шли через лес. Маркус перевязал рану, левая рука почти не двигалась, но он мог сжимать нож правой. Лилия шла впереди, обрубок левой спрятала под плащ. Иногда она останавливалась, принюхивалась – как собака, вышедшая на след.

– Твой дядя – он сильный? – спросил Маркус.

– Очень. Ему триста лет. Он пережил чуму, войну с оборотнями и трёх жён. Всех съел.

– И ты думаешь, мы вдвоём его одолеем?

– Мы не вдвоём, – ответила Лилия, не оборачиваясь. – Я – приманка. Ты – охотник. Он выпьет меня досуха, а ты вонзишь ему в спину серебряный кол.

– Ты готова умереть?

– Я уже мертва, – пожала она плечами. – Вопрос только в том, кто меня добьёт – дядя или ты. Я выбираю тебя. Ты красивее.

Маркус не знал, смеяться ему или беситься. Она говорила о своей смерти так, будто речь шла о выборе платья. Это было неестественно, жутко – и почему-то притягательно. Он поймал себя на мысли, что смотрит на её затылок, на светлые волосы, спутанные колтунами, и представляет, как она выглядела живой.

– Не смотри на меня так, – сказала Лилия, не оборачиваясь. – Я чувствую твои мысли. У тебя в голове картинки. Грязные.

– Ты читаешь мысли?

– Только когда мы связаны. А мы связаны. Так что думай аккуратнее.

Маркус отвернулся. Внутри поднималась злость – на себя, на неё, на проклятую свечу, которая теперь превратила его в полужертву. Он хотел её убить. Но он хотел её и кое-чего ещё. И это «кое-что» пугало больше, чем вампиры.

Лес кончился. Перед ними стоял старый особняк – чёрный, с заколоченными окнами. Вокруг росли кусты шиповника, усыпанные красными ягодами, похожими на капли крови. Лилия остановилась.

– Здесь, – сказала она. – Он спит в подвале. Днём вампиры слабее, но не настолько, чтобы мы могли его просто заколоть.

У него есть слуги – люди, которые его охраняют. Их придётся убить первыми.

– Сколько их? – спросил Маркус.

– Трое. Бывшие наёмники. Они пьют его кровь, чтобы не стареть. Преданны как собаки.

Маркус достал серебряный нож. Второй рукой – пистолет с серебряными пулями.левой он почти не владел, но мог сделать один выстрел, если прижать руку к бедру.

– Я иду первым, – сказал он. – Ты – за мной. Если я упаду, беги.

– Куда? – усмехнулась Лилия. – Ты же знаешь, что я не убегу.

Они вошли. Внутри пахло плесенью и кровью – старой, задохшей, въевшейся в половицы. Маркус шёл бесшумно, как учили в отряде охотников. Лилия семенила сзади, её обрубок всё ещё сочился лимфой.

Первый наёмник спал в кресле у лестницы. Маркус зажал ему рот ладонью и полоснул по горлу – быстро, как мясник. Человек дёрнулся и затих. Второй оказался на кухне, чистил ружьё. Маркус выстрелил ему в затылок. Третий услышал шум и выскочил с мечом. Лилия бросилась ему под ноги, он споткнулся и упал. Маркус добил его ножом.

Тишина. Только капала вода из прохудившейся трубы.

– Подвал, – прошептала Лилия. – Там.

Они спустились по скрипучим ступеням. Внизу было темно, холодно, пахло сырой землёй и чем-то сладким – тем са-

мым запахом, который Маркус почувствовал из своей раны. Он зажёл фонарь.

В центре подвала стоял гроб. Чёрный, лакированный, с серебряными ручками. Крышка была приоткрыта. Внутри лежал старик – седой, с длинными ногтями, скрещёнными на груди. Глаза закрыты. Он не дышал.

– Он спит? – спросил Маркус.

– Он притворяется, – ответила Лилия.

Старик открыл глаза. Красные, без зрачков, как у белой крысы. Он улыбнулся. Зубы были жёлтые, с чёрными дёснами.

– Племянница, – прошептал он. – Ты привела мне ужин.

– Я привела тебе смерть, – сказала Лилия.

Старик выпрыгнул из гроба. Он двигался быстрее, чем Маркус успел выстрелить. Схватил Лилию за обрубок, прижал к стене. Вонзил клыки в её шею. Лилия закричала – не от боли, от ярости.

– Стреляй! – заорала она.

Маркус выстрелил. Пуля вошла старику в спину. Он дёрнулся, но не отпустил. Маркус выстрелил второй раз, третий. Старик зарычал, обернулся – и тогда Маркус увидел его лицо вблизи. Это было лицо его отца. Того самого священника, которого убили два года назад. Но отец умер, он видел его труп, он хоронил его...

– Ты видишь то, что хочешь видеть, – прохрипел старик.

– Я беру образы из твоей головы. Твой отец жив. Он у меня

в подвале. Я его мучаю каждый день. Хочешь посмотреть?

Маркус замер. Пистолет выпал из рук. Лилия, используя момент, вырвалась, схватила серебряный нож, который Маркус уронил, и вонзила старику в глаз. Тот взвыл, отшатнулся. Лилия ударила снова, в горло. Старик рухнул на колени, пытаясь вытащить лезвие, но пальцы скользили по крови.

– Ложь, – прошептала Лилия Маркусу. – Твой отец мёртв. Я видела его душу. Он в раю. Старик лгал, чтобы ты остановился. Не верь.

Маркус очнулся. Поднял пистолет, прицелился старику в голову. Выстрелил. Череп разлетелся, как гнилая тыква. Старик упал лицом вниз. Дёрнулся несколько раз – и затих.

Тишина. Только дышит Лилия – тяжело, с присвистом. Её шея была разорвана, почти перерезана. Она прижимала к ране свой обрубок, но кровь текла сквозь пальцы.

– Кончено, – сказала она. – Ты свободен.

Маркус подошёл к ней. Посмотрел на рану. Глубокая, дыра в артерию. Для человека – смертельно. Для вампира – тоже, если не выпить свежей крови.

– Я могу тебя спасти, – сказал он.

– Зачем? – она улыбнулась. – Ты же хотел меня убить.

– Я хотел убить вампира, – ответил Маркус. – А не девочку, которую обратили насильно.

Он перерезал себе вену на запястье. Кровь брызнула – тёмно-красная, почти чёрная. Он прижал рану к её губам.

– Пей, – сказал он. – Это моя кровь. Смешанная с твоей.

Станет лекарством.

Лилия пила. Долго, жадно, всхлипывая. Маркус чувствовал, как его тело слабеет, как темнеет в глазах. Он падал на колени, но продолжал держать руку у её рта. Когда сознание начало уходить, он услышал её голос:

– Хватит. Ты умрёшь.

Она оттолкнула его руку. Облизала губы. Её шея затягивалась – медленно, но верно. Кожа нарастала прямо на глазах, закрывая рану. Через минуту остался только розовый шрам.

– Ты спас меня, – сказала она. – Зачем?

– Не знаю, – ответил Маркус, теряя сознание. – Наверное, потому что падающая звезда не исполнила моё желание. Может, исполнит твоё.

Он упал. Лилия поймала его голову, положила к себе на колени. Над ними, сквозь щели в потолке, пролетала ещё одна звезда. Зелёная, с длинным хвостом. Лилия загадала желание.

«Хочу, чтобы Маркус остался со мной. Навсегда. Даже если он будет меня ненавидеть».

Звезда упала. И погасла.

Маркус очнулся через три дня. Лежал в постели – чистой, с белыми простынями. Над ним – деревянный потолок. Рядом – столик с едой. За окном – утро.

– Где я? – спросил он.

– В моём доме, – ответила Лилия. Она сидела в кресле, зашивала его рубашу. Левый обрубок был спрятан под длинным рукавом. – Ты спал три дня. Я поила тебя своей кровью, чтобы ты не умер. Теперь мы связаны ещё сильнее.

Маркус попытался встать. Ноги не слушались. Он упал обратно на подушку.

– Ты обратила меня? – прошептал он.

– Нет. Ты не вампир. Ты не человек. Ты – нечто среднее. Не стареешь, не болеешь, но можешь пить кровь. И тебе не нужно спать. И ты можешь выходить на солнце. Ты – идеальный охотник. Идеальный раб.

– Я тебе не раб, – прорычал Маркус.

– Ты – мой, – спокойно ответила Лилия. – Я спасла тебе жизнь. Ты спас мне. Мы в расчёте. Но кровь – она помнит. Твоя кровь теперь бежит в моих жилах. И моя – в твоих. Мы – одно. Как сиамские близнецы, только на расстоянии.

Маркус закрыл глаза. Он чувствовал её – внутри себя. Тёплую, пульсирующую, как второй пульс. Он чувствовал её голод, её одиночество, её странную, исковерканную любовь к нему. И это была не магия. Это была правда.

– Я ненавижу тебя, – сказал он.

– А я люблю тебя, – ответила она. – Это хуже.

Она подошла к кровати, села на край. Погладила его по щеке – рукой, которая была холодной, как лёд, и тёплой от его крови одновременно.

– Падающая звезда, – сказала она. – Ты помнишь? Мы видели её в руинах церкви. Тогда я загадала желание. Хотела, чтобы ты был со мной. Навсегда.

– Звёзды не исполняют желания, – прохрипел Маркус.

– Исполняют. Но не так, как мы ждём. Ты хотел моей смерти. А получил жизнь. Я хотела твоей любви. А получила ненависть. Мы оба проиграли. Но мы вместе.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб. Губы холодные, сухие, но Маркус почувствовал, как в его груди что-то переворачивается. Это не была любовь. Но это и не была ненависть. Это было что-то третье, для чего в языке не было слова.

– Что теперь? – спросил он.

– Теперь мы будем охотиться, – сказала Лилия. – Вместе. Ты – моя сила. Я – твоя слабость. Мы будем убивать вампиров, которые обращают детей. Будем вырезать их логова. Будем пить их кровь, чтобы стать сильнее. А потом – когда не останется никого, кроме нас – ты убьёшь меня. И я буду благодарна.

– С чего ты взяла, что я не убью тебя сейчас?

– Потому что ты уже пытался, – она улыбнулась. – И не смог. Не сможешь и теперь. Мы связаны, Маркус. Как падающая звезда связана с небом. Она падает, но не исчезает. Она становится камнем. И лежит в земле тысячу лет. Так и мы. Будем лежать друг в друге, пока не истлеем.

Маркус ничего не ответил. Он закрыл глаза и почувство-

вал, как её кровь течёт по его венам – сладкая, тёмная, как чёрное молоко. И ему вдруг перестало хотеться вырвать её оттуда. Может, потому что она уже была частью его. Может, потому что он начинал понимать: любовь и ненависть – это одно и то же. Просто разные стороны одной монеты.

На улице снова упала звезда. Зелёная. Последняя в эту ночь. Маркус не загадал желание. Все его желания уже сбылись – но так, как он боялся.

– Чёрное молоко, – прошептал он.

– Что? – спросила Лилия.

– Так называется кровь вампира, которую смешивают с человеческой. Она чёрная, как смоль. Но на вкус – как молоко. Сладкое. И мертвое.

Она усмехнулась.

– Ты привыкнешь, – сказала она. – Мы привыкнем.

Они сидели в тишине. Руины церкви остались далеко позади. Впереди была охота. Кровь. Смерть. И странное, исковерканное чувство, которое они оба называли – но никто из них не знал, как правильно. Может, это была любовь. Может, проклятие.

Но падающая звезда уже упала. И ничего нельзя было изменить.

Глава 3. Глиняный бог

Сара проснулась от того, что кто-то жевал её палец. Не больно, скорее ласково, как щенок. Она открыла глаза. В полумраке мастерской горела одна свеча. Её сын Рауль сидел на корточках у кровати и держал в зубах её указательный палец. Глаза у него были мутные, белые — как у слепого, хотя он видел отлично. Кожа серо-зелёная, кое-где треснувшая, из трещин сочилась сукровица.

— Рауль, отпусти, — сказала Сара.

Он разжал челюсти. Палец был мокрый, но не прокушенный. Рауль никогда не кусал её по-настоящему. Он питался только мертвечиной — трупами с кладбища, падалью в лесу. Люди его боялись, но он не убивал живых. Сара знала это. И всё равно боялась. Не за себя — за него.

— Мам, — сказал Рауль голосом, похожим на скрип несмазанной петли. — У Хлои сегодня день рождения. Можно я подарю ей цветы?

Сара вздохнула. Хлоя — дочь мэра, семнадцать лет, красивая, с рыжими волосами и веснушками. Единственная в городе, кто не шарахался от Рауля. Она приходила в мастерскую, смотрела, как Сара лепит статуи из глины, смешанной с пеплом умерших. И ни разу не поморщилась. Даже когда Рауль обронил свой гниющий палец рядом с её тувелькой.

— Цветы — это хорошо, — сказала Сара. — Но ты пом-

нишь, что случилось в прошлый раз, когда ты вышел днём?

Рауль опустил голову. В прошлый раз мальчишки забросали его камнями. Один камень попал в глаз — глаз лопнул, как виноградина, и вытек. Потом он вырос заново, но неделю Рауль сидел в подвале, и Сара вымывала гной тряпкой.

— Я выйду ночью, — сказал Рауль. — Когда стемнеет. И сорву на болоте белые цветы. Она любит белые.

Сара погладила его по голове. Кожа на затылке отслаивалась, как старая краска. Под ней была новая, розовая, но тоже неживая. Вурдалаки не умирают, не стареют, но их тела постоянно гниют и обновляются. Вечный круговорот плоти.

— Хорошо, — сказала она. — Только не попадайся стражникам.

Рауль улыбнулся. Улыбка была страшная — губы треснули, показались жёлтые зубы. Но Сара видела в этой улыбке своего малыша, которого родила двадцать два года назад. Который был таким тёплым, живым, пока не умер от лихорадки в три года. Она не смирилась с его смертью. Она пошла к ведьме, отдала всё золото, и ведьма вернула его. Но вернула неправильно. Он стал вурдалаком. Живым мертвецом, который ест плоть, чтобы не рассыпаться.

— Мам, — сказал Рауль. — Ты когда-нибудь пожалела, что оживила меня?

Сара не ответила. Она смотрела в окно, где над лесом падала звезда — зелёная, с длинным хвостом. Она загадала желание: «Хочу, чтобы мой сын стал человеком. Хотя бы на

один день».

Звезда упала. И ничего не изменилось.

— Не жалею, — сказала она. — Никогда.

Рауль кивнул и уполз в подвал, где в углу лежала куча старых костей — его запас еды на неделю. Сара осталась одна. Она взяла глину. Смешала с пеплом умершего на прошлой неделе старьёвщика. Начала лепить новую статую — женщину с распростёртыми крыльями. Но руки не слушались. Потому что в голове крутилась одна мысль: «Как сделать Рауля нормальным?».

Она знала, что есть способ. Старый, забытый, почти мифический. Нужно вылепить новое тело из глины, смешанной с кровью девственницы. Затем перенести в него душу вурдалака. Старое тело сгниёт, новое — будет жить. Дышать. Любить. Становиться старше. Но для этого нужна девственница. И она должна добровольно отдать кровь. Иначе ритуал не сработает.

Сара думала о Хлое. О рыжих волосах, о веснушках, о том, как она смотрит на Рауля — не с отвращением, а с нежностью. Хлоя любит его. Сара видела это по глазам. И Хлоя — девственница. Мэр бережёт дочь, как хрустальную вазу.

Но как попросить её отдать кровь? Как объяснить, что Рауль умрёт во время ритуала — чтобы родиться заново? Как сказать, что это больно? Что глина будет жечь кожу, как огонь?

Сара не знала. Но она должна была попробовать.

На следующий день Хлоя пришла в мастерскую. Одна, без охраны — как всегда. Она принесла пирог с яблоками. Сказала, что это для Рауля.

— Он не ест яблоки, — сказала Сара. — И пироги. Вообще ничего, кроме...

— Я знаю, — перебила Хлоя. — Но он может просто понюхать. Или подержать в руках. Ему будет приятно.

Сара посмотрела на неё. Девочка была серьёзная, спокойная. Не истеричка, как другие. В её глазах горел ровный, тёплый огонь. Такой, который не гаснет даже рядом со смертью.

— Хлоя, — сказала Сара. — Я хочу задать тебе странный вопрос. Ты можешь отказаться. Никто не узнает.

— Задавай.

— Ты готова отдать свою кровь, чтобы спасти Рауля?

Хлоя не удивилась. Не побледнела. Только сжала губы и посмотрела в пол.

— Сколько? — спросила она.

— Много. Почти всю. Ты можешь умереть.

— А если не умру?

— Если ритуал пройдёт правильно, ты останешься жива. Но будешь слабой несколько месяцев. Возможно, не сможешь иметь детей. Это плата.

Хлоя молчала минуту. За окном снова падала звезда — зелёная, как первая. Сара не успела загадать желание. Хлоя

загадала.

— Да, — сказала она. — Я согласна.

— Почему? — спросила Сара.

— Потому что я люблю его, — ответила Хлоя. — А любовь — это когда отдаёшь кровь и не ждёшь ничего взамен.

Они обнялись. Сара плакала — впервые за много лет. Хлоя гладила её по спине и говорила: «Всё будет хорошо, он станет человеком, мы поженимся, у нас будут дети». Она верила в это. Сара — нет. Но она не могла остановиться.

Ритуал назначили на следующее полнолуние. Три дня Сара месила глину, добавляла пепел десяти умерших — самых чистых, без греха. Лепила тело — молодого мужчину, двадцати двух лет, с руками, ногами, лицом. Она постаралась сделать его красивым — волевой подбородок, ясные глаза, губы, сложенные в лёгкую улыбку. Таким Рауль был бы, если бы не умер в три года. Таким он должен стать.

В ночь ритуала в мастерской горели чёрные свечи. Их воск был смешан с сажей, и пламя давало коптящий, почти невидимый свет. В центре стояло глиняное тело — уже высушенное, твёрдое, но не обожжённое. В грудной клетке было отверстие — туда нужно было влить кровь. Живую, тёплую, девственную.

Рауль лежал на старом столе. Сара дала ему настойку из мака — он уснул. Его тело гнило на глазах: кожа лопалась,

из трещин текла жёлтая лимфа. Оставалось недолго. Через месяц он рассыплется в прах, если не подкрепится свежими трупами. А новых трупов не было — в городе эпидемия обошла стороной.

Хлоя разделась до рубашки. Сара сказала, что кровь должна быть чистой, без помех. Хлоя легла на алтарь — простой деревянный стол, на котором Сара обычно резала глину.

— Больно будет, — сказала Сара.

— Я знаю, — ответила Хлоя. — Делай.

Сара взяла нож — не серебряный, не стальной, а из кости. Кость вурдалака — его собственная, отломанная три года назад, когда Рауль упал с лестницы. Нож помнил хозяина.

Она разрежала Хлое вену на руке. Кровь брызнула в подставленную миску — тёмно-красная, почти чёрная в свете коптящих свечей. Хлоя закусила губу. Не закричала. Сара наполнила миску до половины и перелила кровь в отверстие у глиняного тела.

Глина зашевелилась. Сначала чуть-чуть, потом сильнее. Вспухла, как тесто. Из груди выросло ребро, из живота — мышцы. Глиняный человек начал оживать — прямо на глазах. Кожа темнела, становилась розоватой. Глаза открылись — мутные, потом прояснились. Синие. Как у Рауля, когда он был живым.

— Ещё, — прошептала Хлоя. — Давай ещё.

Сара перерезала вторую вену. Кровь полилась быстрее. Хлоя побледнела, губы стали синими. Но она не просила

остановиться. Она смотрела на глиняного человека и улыбалась.

— Рауль, — прошептала она. — Ты такой красивый.

Глиняный человек сел. Он был выше Сары на две головы. Мышцы перекатывались под кожей, как у атлета. Он повернул голову к Хлое, открыл рот — и заговорил голосом, которого Сара никогда не слышала. Голосом без хрипоты, без скрипа. Чистым, как родник.

— Хлоя, — сказал он. — Я тебя помню.

Но что-то пошло не так.

Старое тело Рауля на столе дёрнулось. Оно не умерло. Оно тоже открыло глаза — мутные, белые. Оно село, свесив куски гнилой плоти.

— А как же я? — спросило оно голосом — старым, скрипучим. — Ты забыла про меня, мама?

Сара замерла. Она поняла, что ошиблась. Душа Рауля не перешла целиком в новое тело. Она раскололась — как переспелый орех. Одна половина осталась в старом теле, вурдалаке. Другая — вошла в глиняного человека.

— Теперь нас двое, — сказал старый Рауль, сползая со стола. — Один — монстр. Второй — человек. Но оба — я.

Глиняный человек встал, шагнул к нему. Протянул руку.

— Брат, — сказал он. — Мы можем жить вместе.

— Нет, — ответил старый Рауль. — Потому что она любит тебя. А я люблю её. И мы не можем делить одну любовь.

Он показал на Хлою — та лежала на алтаре, бледная, по-

что мёртвая. Кровь сочилась из разрезов, но медленнее — оставалась последняя капля.

— Ей нужен врач, — сказала Сара. — Рауль, оба Рауля, прекратите! Сначала спасите её!

Но было поздно. Хлоя закрыла глаза. Её сердце остановилось. Сара бросилась к ней, пыталась сделать искусственное дыхание, массаж сердца — ничего не помогало. Хлоя умерла. Отдала всю кровь, чтобы оживить мертвеца. И оживила — но не одного, а двух. И сама умерла.

Старый Рауль завыл. Вой был похож на звериный, протяжный, полный боли. Он упал на колени рядом с Хлоей, прижался щекой к её холодной руке.

— Зачем, — прошептал он. — Зачем ты это сделала? Я же чудовище. Я не стоил такой жертвы.

Новый Рауль стоял неподвижно. Его глиняное лицо не умело плакать — у него не было слёзных желёз. Но в глазах застыло такое страдание, что Сара не выдержала. Отвернулась.

— Надо её похоронить, — сказала она. — По-человечески. Священника позвать.

Старый Рауль встал. Его гниющие пальцы сжались в кулаки.

— Священник не придёт, — сказал он. — Он ненавидит вурдалаков. И меня, и его, — он кивнул на нового Рауля. — Мы для него исчадия ада. Он отпоёт Хлою, но нас прогонит.

— Тогда похороним сами, — сказал новый Рауль. — На

болоте, у белых цветов. Она их любила.

Они несли гроб вдвоём — старый и новый, два Рауля, две половины одной души. Сара шла сзади с лопатой. Ночь была тёмная, но над лесом висела зелёная звезда — та самая, падающая. Она медленно ползла по небу, как будто искала место, куда упасть.

На болоте они вырыли могилу. Старый Рауль положил Хлою в землю, поправил ей волосы. Поцеловал в лоб. Новый Рауль бросил горсть земли на лицо — и тут же отдёрнул руку, как от ожога.

— Она была слишком хороша для нас, — сказал новый Рауль.

— Она была слишком жива, — ответил старый.

Они замолчали. Сара стояла у могилы, сжимая лопату. Она чувствовала себя виноватой — не перед Хлоей, перед Раулем. Она хотела сделать как лучше, а получила катастрофу. Два сына вместо одного. Два страдания вместо одного.

— Мам, — сказал старый Рауль. — Ты должна нас убить.

— Что? — прошептала Сара.

— Нас двоих. Убить. Потому что мы не должны существовать. Я — гниющее мясо. Он — глиняный истукан. Мы оба — ошибка. Убей нас, возьми нашу кровь, смешай с глиной и сделай одну статую. Одного человека. Настоящего.

— Я не могу, — сказала Сара. — Вы мои сыновья.

— Мы твоё проклятие, — сказал новый Рауль. — Ты оживила меня двадцать лет назад, потому что не могла отпу-

стить. Теперь ты должна отпустить. Дважды.

Сара упала на колени. Она плакала — в голос, как ребёнок. Звезда упала за горизонт, и на болоте стало совсем темно. Только глаза двух Раулей светились — у старого мутно-белым, у нового — синим.

— Нет, — сказала она. — Я найду другой способ.

— Нет других способов, — ответил старый Рауль. — Хлоя умерла, чтобы мы поняли. Любовь — это жертва. Ты должна принести свою.

Он подошёл к ней, встал на колени рядом. Обнял — холодной, гниющей рукой. Новый Рауль подошёл с другой стороны, положил тёплую, почти живую ладонь ей на плечо.

— Мы любим тебя, мама, — сказали они хором. — Поэтому просим: отпусти.

Сара вытерла слёзы. Взяла лопату — не как орудие убийства, а как опору. Встала.

— Не могу, — сказала она. — Не просите.

Тогда старый Рауль выхватил у неё лопату и со всего маху ударил себя по голове. Череп раскололся, как гнилой орех. Оттуда потекла чёрная жижа, смешанная с осколками костей. Он упал лицом в могилу Хлои. Дёрнулся раз, другой — и замер.

— Нет! — закричала Сара.

Новый Рауль не двигался. Он смотрел на старого брата, на мать, на могилу Хлои. Его глиняное лицо треснуло — от подбородка до лба. Трещина была глубокая, почти до мозга.

— Теперь моя очередь, — сказал он.

Он разбежался и прыгнул в могилу — прямо на тело старого брата. Глиняное тело врезалось в гниющую плоть — и они начали сливаться. Глина обволакивала кости, мясо прорастало сквозь трещины. Сара смотрела, как два тела становятся одним. Медленно, мучительно, с хрустом и чавканьем.

Через минуту в могиле лежал один человек. Молодой, красивый, с голубыми глазами. Он дышал. Он был живым. Настоящим. Человеком.

— Рауль? — прошептала Сара.

Он открыл глаза. Синие — как у того мальчика, который умер в три года. Но в глубине горел зелёный огонь — как у падающей звезды.

— Я не Рауль, — сказал он. — Я — то, что осталось. И я ненавижу тебя.

Сара отшатнулась.

— За что?

— Ты оживила меня, когда я должен был умереть. Ты сделала из меня монстра. Ты убила Хлою своей любовью. Ты — чудовище, мама. Хуже любого вурдалака.

Он встал из могилы. Голый, прекрасный, без единого изъяна. Только глаза горели злым, холодным огнём.

— Я ухожу, — сказал он. — Далеко. Туда, где никто не знает про глину и пепел. Я буду жить как человек. И каждый день проклинять тебя.

— Рауль... — Сара протянула руку.

Он оттолкнул её. Сильно — она упала в грязь.

— Не зови меня так. У меня нет имени. Я просто ошибка.

Он ушёл. Сара осталась одна — у двух могил. В одной — Хлоя. В другой — сломанная лопата и осколки черепа старого Рауля. Она лежала в грязи и смотрела на небо. Там снова падала звезда — четвёртая за эту ночь.

Сара загадала желание: «Хочу умереть».

Звезда упала. И ничего не изменилось.

Она не умерла. Она осталась жить. И лепить новые статуи — из глины, смешанной с пеплом. Теперь она лепила только одно лицо — лицо Хлои. Сотни, тысячи Хлой. Они стояли в мастерской, как солдаты мёртвой армии. Белые, безглазые, с открытыми ртами, из которых не вылетало ни звука.

Через год в город пришёл странник. Он был красив, высок, с голубыми глазами. Он спросил у соседей: «Где живёт женщина, которая лепит из пепла?». Ему показали. Он вошёл в мастерскую. Увидел сотни статуй Хлои. И одну статую, которая стояла в центре — человека с расколотым черепом.

— Мама, — сказал он.

Сара повернулась. Она постарела на десять лет. Волосы поседели, лицо покрылось морщинами. Глаза — пустые, как у статуй.

— Ты вернулся, — сказала она.

— Я вернулся, чтобы убить тебя, — ответил он. — Потому что ты не даёшь мне покоя. Даже на расстоянии. Я чувствую твою боль. Она мешает мне жить.

— Тогда убей, — сказала Сара. — Я давно готова.

Он подошёл, взял её за горло. Пальцы были тёплые, живые. Он сжимал медленно, не спеша. Сара не сопротивлялась. Она смотрела в его глаза — голубые, с зелёным огнём внутри.

— Ты меня прощаешь? — спросила она, задыхаясь.

— Нет, — ответил он. — Но я тебя понимаю.

Он сжал сильнее. Хрустнули позвонки. Сара упала. Её последнее, что она увидела — падающую звезду. Зелёную, как та, что упала в ночь ритуала. Звезда летела прямо на неё, увеличиваясь, пока не заполнила всё небо.

А потом — тьма.

Новый Рауль стоял над трупом матери. Он не плакал. Он чувствовал пустоту — там, где раньше была любовь. Теперь не было ничего. Он разбил все статуи Хлои, кроме одной — самой маленькой, которую Сара вылепила в первый раз. Её он взял с собой. И ушёл в лес.

На опушке он обернулся. Мастерская горела. Он поджёг её, чтобы стереть всё, что было. Пепел разлетался по ветру, смешиваясь с глиной. Новый Рауль поднял лицо к небу.

— Падающая звезда, — сказал он. — Ты слышишь меня? Я загадываю желание: пусть я никогда не буду ни человеком, ни монстром. Пусть я буду никем.

Звезда упала. И не погасла — упала прямо перед ним, в траву. Маленький зелёный камень, ещё тёплый. Он поднял его, положил в карман. И пошёл дальше.

Глава 4. Серебряная свадьба

Гретхен проснулась от запаха крови. Не чужой — своей. Она лежала на боку, и простыня под ней промокла насквозь. Месячные шли уже пятый день, слишком обильно, почти опасно. Но она не позвала служанку. Не потому, что стеснялась — потому что не хотела, чтобы кто-то вошёл в спальню и увидел его.

Люк спал на полу, свернувшись калачиком, как собака. Глаза закрыты, но Гретхен знала — он не спит. Вампиры не спят по-настоящему. Они просто отключаются на несколько часов, но слышат всё. Он слышал, как она встала, как прошлёпала босыми ногами к рукомойнику, как смывала кровь холодной водой.

— Гретхен, — сказал он, не открывая глаз. — Ты теряешь слишком много крови. Дай я помогу.

— Не надо, — ответила она.

Он открыл глаза. Красные, с вертикальными зрачками — как у змеи. Люку было девятнадцать лет, когда его обратили. Тело осталось молодым, красивым, с широкими плечами и узкими бёдрами. Он был похож на античную статую — если не считать клыков и бледности.

— Ты умрёшь, если не остановить кровь, — сказал он. — Позволь мне выпить немного. Моя слюна запечатывает сосуды.

— Я сказала — не надо.

Гретхен вытерлась тряпкой, натянула чистое бельё, поверх — тяжёлое шерстяное платье. Чёрное, как траур. Она носила чёрное уже пять лет — с тех пор, как её первый муж, старый граф Блэквуд, умер при странных обстоятельствах. Гретхен тогда было двадцать девять. Она унаследовала его состояние, серебряные рудники и дом. А через год купила себе вампира.

Люк был рабом. Она выкупила его у торговца нечистью за триста золотых монет. Привезла в подвал, заковала в серебряные цепи, кормила своей кровью по капле, чтобы он не ослабел, но и не насытился. Она хотела оружие. Живое, безжалостное оружие против других вампиров, которые пытались отжать её рудники.

Но оружие получилось слишком красивым. И слишком преданным.

— Ты снова смотрела на падающую звезду, — сказал Люк, поднимаясь с пола. Он был голый, без одежды — Гретхен не разрешала ему одеваться. Так она чувствовала свою власть. — Я видел в щель. Ты стояла у окна и загадывала желание.

— Не твоё дело, — ответила она.

— Ты загадала, чтобы я тебя полюбил? — он усмехнулся. — Я уже люблю. С первого дня, как ты вонзила мне в сердце серебряный прут, чтобы проверить, живучий ли я.

Гретхен не ответила. Она вышла из спальни, спустилась в столовую. Там уже ждал завтрак — яйца, бекон, свежий хлеб. Она ела, не чувствуя вкуса, и смотрела в окно. Над ле-

сом висела серая пелена. Скоро пойдёт снег.

Люк появился через минуту. Накинул на плечи её старую шубу — он мёрз от холода, как все вампиры, и ненавидел зиму. Сел напротив, положил голову на стол.

— Твой муж приедет сегодня, — сказал он. — Второй. Тот, который мешает бизнесу. Ты хочешь, чтобы я его убил.

— Да, — сказала Гретхен. — Он хочет продать рудники конкурентам. Если он подпишет бумаги, мы разорены. Ты убьёшь его сегодня ночью. Сделаешь вид, что напали разбойники.

Люк поднял голову. Глаза красные, но в них — что-то мягкое. Почти человеческое.

— Я не убиваю людей, Гретхен. Ты знаешь. Я убиваю вампиров. Только вампиров.

— Ты мой раб, — сказала она холодно. — Ты делаешь то, что я приказываю.

— Тогда убей меня сама, — ответил он. — Потому что я не могу. Я люблю тебя. А если я убью твоего мужа, ты возненавидишь меня. За то, что я напомню тебе о твоём предательстве.

Гретхен отодвинула тарелку. Внутри поднималась злость — не на Люка, на себя. Она знала, что он прав. Второй муж, старый граф Линкольн, был ей не нужен. Она вышла за него замуж только ради денег. Но он оказался живучим — и теперь хотел контролировать рудники. Единственный выход — убить его. Но своими руками она не могла. А Люк — мог.

Но отказывался.

— Ты слабак, — сказала она.

— Я любящий, — ответил он. — Это разное.

Она встала, подошла к нему, взяла за подбородок. Его кожа была холодной, как лёд. Она посмотрела ему в глаза — и увидела там то, чего не видела никогда раньше. Слёзы. У вампиров не бывает слёз, только сукровица. Но сейчас из уголка его глаза выкатилась красная капля.

— Ты правда любишь меня? — спросила она.

— Больше жизни, — ответил он. — Хотя у меня нет жизни. Есть только ты.

Она поцеловала его. Он ответил — жадно, с болью. Его клыки царапнули её губу, но она не отстранилась. Кровь смешалась со слюной. Люк застонал — от голода, от любви, от ненависти к себе.

— Если ты не убьёшь его, — сказала Гретхен, отрываясь от его губ, — я умру. Не от крови. От нищеты. Ты хочешь, чтобы я стала нищей?

— Я хочу, чтобы ты была свободной, — ответил он. — А ты — рабыня своих денег.

Она ударила его по щеке. Сильно, с размаху. Люк не уклонился. Только улыбнулся — грустно, криво.

— Бей ещё, — сказал он. — Мне не больно. А тебе станет легче.

Гретхен замахнулась снова — и опустила руку. Не смогла. Вместо этого она обняла его, прижалась к холодной груди,

зарыдала — впервые за много лет. Люк гладил её по волосам и молчал.

В окне падала звезда. Зелёная, с длинным хвостом. Гретхен загадала желание: «Хочу, чтобы он убил моего мужа. Но остался собой».

Звезда упала. И ничего не изменилось.

Муж приехал в полдень. Генри Линкольн был толстым, лысым, с красным носом — он много пил. Гретхен встретила его на крыльце, улыбаясь, как хорошая жена.

— Дорогая, — сказал он, целуя её в щёку. — Ты прекрасно выглядишь. Хотя бледновата. Не больна?

— Всё хорошо, — ответила она. — Проходи, обед готов.

Он прошёл в дом, бросил плащ на стул, сразу потребовал вина. Гретхен подала сама — не позвала служанку. Вино было отравлено. Не смертельно, но достаточно, чтобы он уснул глубоким сном. Генри выпил залпом, крикнул, пожевал губами.

— Странный привкус, — сказал он. — Ты не подмешала чего?

— Это новое, из южных провинций, — соврала Гретхен. — Дорогое.

Он кивнул, съел суп, второе, десерт. К концу обеда его глаза слипались. Генри зевнул, встал из-за стола.

— Пойду вздремну, — сказал он. — К вечеру обсудим

контракты.

Он ушёл в свою спальню — ту, которую Гретхен отвела ему на первом этаже. Через пять минут она услышала храп. Проверила — спал мёртвым сном.

— Люк, — позвала она.

Он вышел из тени. Босой, в одной рубашке. Глаза горели.

— Я не буду, — сказал он.

— Не надо убивать, — ответила Гретхен. — Просто запугай его. Чтобы он подписал бумаги и уехал навсегда.

— А если не подпишет?

— Тогда убей. Но сначала попробуй без крови.

Люк кивнул. Он вошёл в спальню мужа, наклонился над ним. Генри спал, открыв рот. Из рта пахло вином и чесноком — специально, чтобы отпугнуть вампиров. Люк поморщился, но не отступил. Он легонько укусил мужчину за шею — не глубоко, только чтобы впустить немного своей слюны. Генри дёрнулся, но не проснулся. Слюна вампира вызывала кошмары. Он будет видеть кровавые сны, а проснувшись — чувствовать дикий страх.

— Хватит, — сказала Гретхен из-за двери. — Выходи.

Люк вернулся в подвал. Гретхен спустилась за ним, села на корточки у решётки.

— Ты боишься, что я превращусь в монстра? — спросил он.

— Ты уже монстр, — ответила она. — Но ты мой монстр.

Она протянула руку сквозь решётку. Он взял её, прижался

холодными губами к пальцам.

— Ты пахнешь кровью, — сказал он. — Опять идёт. Дай я помогу.

— Нет, — сказала она. — Не надо. Я хочу чувствовать боль. Это единственное, что осталось настоящим.

Генри проснулся в четыре часа дня. Он кричал. Гретхен прибежала первой — сделала вид, что встревожена.

— Что случилось? — спросила она.

— Мне приснилось, что меня ели заживо! — заорал он. — Червь полз по моему позвоночнику! Где вино?!

Он выпил ещё стакан, потом ещё. К вечеру был пьян в стельку. Гретхен подсунула ему бумаги на продажу рудников — себе, за символическую цену. Он подписал, не глядя. Поставил печать. Она спрятала бумаги в сейф.

— Ты умная сука, — сказал Генри, когда понял, что натворил. — Ты меня обвела.

— Я тебя спасла, — ответила Гретхен. — Если бы не я, тебя бы уже убили конкуренты.

— Врёшь, — он шагнул к ней, схватил за горло. — Ты всегда врала. Твой первый муж тоже не сам умер. Ты его отравила.

— Отпусти, — прохрипела Гретхен.

Генри сжал сильнее. В глазах — бешенство. Гретхен чувствовала, как темнеет в глазах. И в этот момент кто-то сло-

мал ему шею. Хруст — как сухой ветки. Генри упал. За ним стоял Люк, бледный, злой.

— Ты его убил, — прошептала Гретхен.

— Он хотел убить тебя, — ответил Люк. — Я не мог позволить.

Она смотрела на тело мужа. Глаза открыты, язык высунут. На шее — глубокий пролом. Смерть мгновенная. Вампирская сила.

— Что теперь? — спросила она.

— Теперь похороним, — сказал Люк. — Скажешь, что он уехал. Через месяц объявишь о смерти. Никто не проверит.

Он поднял тело, вынес в лес. Гретхен пошла за ним с лопатой. Копали втроём — она, Люк и тишина. Звезда на небе падала, когда они закапывали труп. Зелёная, длинная. Гретхен не загадала желание. Ей было всё равно.

Они вернулись в дом. Люк был весь в крови — чужой, тёплой. Гретхен раздела его, повела в душ. Мыла сама, смывая кровь с груди, с рук, с лица. Он стоял неподвижно, как статуя. Только глаза горели — красным, голодным.

— Ты хочешь пить, — сказала она.

— Да, — ответил он. — Но не твою кровь. Твоя слишком сладкая. Я могу привыкнуть.

Она протянула запястье.

— Пей, — сказала она. — Я разрешаю.

Он взял её руку, поцеловал вену, провёл клыком. Кровь брызнула — тёплая, живая. Он пил медленно, не спеша.

Гретхен смотрела и чувствовала, как что-то меняется внутри. Не любовь — что-то более тёмное. Зависимость.

— Хватит, — сказала она, когда голова закружилась.

Он оторвался. Облизнул губы.

— Ты будешь жить вечно, если я буду поить тебя своей кровью, — сказал он. — Мы можем быть вместе всегда.

— Я не хочу вечно, — ответила она. — Я хочу отомстить.

— Кому?

— Тем, кто убил моего первого мужа. Не я его отравила. Его убили вампиры. Твои братья. Я вышла замуж за Генри, чтобы выследить их. А теперь ты убил Генри. И моя месть рассыпалась.

Люк замер. Он не знал. Она не рассказывала.

— Почему ты молчала? — спросил он.

— Потому что боялась, что ты не захочешь убивать своих.

— Они не мои, — сказал он. — Клан, который меня обратил — они убили мою семью. Я ненавижу их так же, как ты.

Гретхен посмотрела в его глаза — и впервые увидела не раба, не оружие, не любовника. Увидела союзника.

— Тогда пойдём, — сказала она. — Убьём их вместе.

Три года они охотились. Люк убивал вампиров — быстро, чисто, серебряными кольями. Гретхен снабжала его оружием, деньгами, убежищами. Они стали легендой — женщина и её вампир-раб, который уничтожил полдюжины кланов.

Но каждый раз, когда Люк вонзал кол в сердце очередного вампира, он смотрел на Гретхен и видел в её глазах не благодарность — скуку.

Ей было мало. Она хотела большего. Не мести, а власти.

Однажды ночью, после того как они сожгли логово очередного клана, Гретхен стояла на холме и смотрела на зарево пожара. Над головой падала звезда — зелёная, как все предыдущие.

— Загадай желание, — сказал Люк.

— Я загадала, — ответила она. — Хочу, чтобы ты убил себя.

Он не удивился. Не обиделся. Только спросил:

— Зачем?

— Потому что ты стал мне скучен. Ты убиваешь, но не меняешься. Ты всё так же любишь меня. А я хочу, чтобы кто-то меня ненавидел. Хочу чувствовать опасность.

— Ты ненормальная, — сказал он.

— Знаю. Поэтому ты меня и любишь.

Она отвернулась. Люк стоял и смотрел на её спину. Прямую, гордую, в чёрном платье. Он знал, что она не шутит. Она хотела его смерти — не из жестокости, из любопытства. Что он сделает? Послушается? Сбежит? Убьёт её?

Он выбрал четвёртое.

Он ушёл. Не убил себя, не убил её. Просто исчез на рассвете. Оставил на подушке записку: «Я не могу быть твоей игрушкой. Прощай».

Гретхен прочитала и сожгла. Она не плакала. Она вышла на крыльцо, посмотрела на небо. Там снова падала звезда — последняя в этом году. Она загадала желание:

«Хочу, чтобы он вернулся. И чтобы я его убила сама».

Звезда упала.

Люк вернулся через полгода. Он похудел, осунулся, глаза ввалились. Он бродил по лесам, питался кровью животных, почти не общался с людьми. Но понял — не может без неё. Как наркоман без дозы.

Он вошёл в дом через чёрный ход. Гретхен сидела у камина. Увидела его — не удивилась.

— Я знала, что ты вернёшься, — сказала она. — Собаки всегда возвращаются.

— Я не собака, — ответил он. — Я тот, кто тебя любит.

— Тогда докажи.

Она достала из-за спины серебряный нож. Тот самый, которым когда-то проверяла его живучесть. Бросила на пол.

— Убей меня, — сказала она. — Если любишь, убей. Иначе ты мой раб навсегда.

Люк поднял нож. Лезвие блеснуло в свете камина. Он подошёл к ней, сел на колени. Протянул нож обратно.

— Я не могу, — сказал он. — Убей меня сама.

Гретхен взяла нож. Смотрела на него — на его бледное лицо, на красные глаза, на родинку над губой. Она могла бы.

Один удар — и всё кончится. Боль, зависимость, эта странная любовь, которая держала её взаперти.

— Ты правда любишь меня? — спросила она в последний раз.

— Правда, — ответил он.

Она вонзила нож — не ему, себе. В сердце. Нож вошёл мягко, как в масло. Кровь брызнула на лицо Люка — тёплая, сладкая. Он закричал — впервые за всю свою вампирскую жизнь закричал по-человечески.

— Зачем?! — заорал он.

— Чтобы ты навсегда помнил, — прошептала Гретхен, падая на пол. — Ты хотел меня. Теперь я у тебя внутри. В крови. Ты будешь помнить мой вкус вечно.

Она закрыла глаза. Люк сжимал её в объятиях, пытался зажать рану, но кровь текла сквозь пальцы. Он пил её — не чтобы насытиться, чтобы спасти. Но было поздно. Серебро в ноже сделало своё дело.

Гретхен умерла на его руках.

Он не плакал. Он сидел, обняв её труп, и смотрел в окно. Там падала звезда — зелёная, как и всегда. Люк загадал желание:

«Хочу, чтобы она воскресла. И стала такой же, как я».

Звезда упала. И ничего не изменилось.

Но через минуту Гретхен открыла глаза. Зрачки её были красными. Из рта показались маленькие, ещё не окрепшие клыки. Она превратилась — не в вампира, не в человека, в

нечто среднее. Потому что умерла от серебра, смешанного с вампирской кровью на губах Люка.

— Где я? — спросила она.

— Там же, где и была, — ответил Люк. — В аду. Но теперь ты не одна.

Она села. Посмотрела на свою руку — на рану, которая затягивалась на глазах. Потом на Люка.

— Ты хотел меня навсегда, — сказала она. — Ты получил.

— Я хотел, чтобы ты была счастлива, — ответил он. — А ты выбрала смерть.

— Я выбрала тебя, — сказала она. — Просто другим способом.

Она поцеловала его. Укусила за губу. Он застонал — от боли, от радости, от облегчения. Теперь они были равны. Оба монстры. Оба бессмертны. Оба прокляты.

Они вышли из дома. Небо было чёрным, без единой звезды. Только пепел от сожжённой записки кружил над крыльцом.

— Куда теперь? — спросил Люк.

— К твоим братьям, — ответила Гретхен. — Теперь я могу убивать их вместе с тобой. Клыками.

Она улыбнулась. Улыбка была страшная — потому что в ней не осталось ничего человеческого. Только голод, злоба и странная, исковерканная любовь к тому, кто держал её за руку.

Они ушли в ночь. А наутро их дом сгорел. Соседи говори-

ли, что видели две тени, бегущие к лесу. И падающую звезду, которая рухнула прямо на крышу.

Но звёзды не падают дважды на одно место. Значит, это был просто пожар.

Или начало нового пожара.

Глава 5. Спящая с волками

Блейк проснулся от того, что кто-то зашивал его плечо. Игла входила в кожу сухо, без анестезии, но он не дёргался. Он привык к боли. Четыреста лет жизни оборотнем приучают ко многому. Он повернул голову. Над ним склонялась женщина — лет двадцати пяти, с рыжими волосами, собранными в пучок, и глубокими морщинами вокруг глаз, которые не соответствовали её молодому лицу.

— Ты в сознании, — сказала она. — Хорошо. Дыши ровнее, я почти закончила.

Блейк посмотрел на своё плечо. Там была дыра — серебряная пуля пробила мышцы и застряла в кости. Женщина уже вытащила пулю (он видел её на столике — маленькую, поблёскивающую) и теперь стягивала края раны чёрными нитками.

— Кто ты? — спросил он голосом, похожим на рык.

— Миранда. Твоя спасительница. Ты лежал у моего порога три часа назад, истекая кровью. Я подумала, что если не зашью, то ты сдохнешь. Оборотни не умирают от серебра, но могут истечь.

— Откуда ты знаешь, что я оборотень?

— Пахнет от тебя псиной и луной, — она усмехнулась. — И пуля серебряная. Людей не стреляют серебром.

Блейк попытался встать. Голова закружилась. Миранда

нажала ему на грудь — сильная рука, не женская.

— Лежи. Я сказала — дыши. Ещё десять стежков, и я закончу.

Он лёг. Смотрел на её лицо — бледное, с веснушками, без грамма косметики. Глаза серые, внимательные. Руки в крови — его крови. Она работала быстро, профессионально, как хирург.

— Ты врач?

— Была. Теперь я целительница. Это разные вещи. Врачи лечат таблетками, а я — травами и молитвами. Хотя тебе помогли только игла и нитка.

Она сделала последний стежок, завязала узел, откусила нитку зубами. Блейк почувствовал, как боль отступает — не полностью, но становится терпимой.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Я беру плату.

— Какую?

— Ты будешь моим рабом один месяц. Будешь носить дрова, таскать воду, защищать меня от лесных тварей. И спать в хлеву.

Блейк хотел зарычать — но вспомнил, что у него нет сил даже на рык. Он проиграл схватку со стаей конкурентов, его изгнали, ранили и бросили умирать. Эта женщина — единственная, кто согласился помочь. Обратни его клана отвернулись. Люди боялись. А Миранда — нет. Она даже не вздрогнула, когда увидела его морду с оскаленными клыка-

ми.

— Согласен, — сказал он.

— Умный оборотень, — она улыбнулась. — Редкость.

Она помогла ему подняться, вывела во двор. Хлев оказался чистым, с соломой и свежей водой. Блейк лёг на солому и провалился в сон — без снов, тяжёлый, как камень.

Первую неделю он почти не разговаривал с Мирандой. Она приходила утром, проверяла швы, меняла повязку, приносила еду — сырое мясо, хлеб, воду. Он ел, смотрел на неё, молчал. Она тоже молчала. Но на седьмой день Блейк не выдержал.

— Почему ты не боишься меня? — спросил он.

— Потому что я видела монстров страшнее, — ответила она, не глядя на него. — Обратни — это просто больные люди. Их можно вылечить.

— Обратней нельзя вылечить. Это проклятие.

— Всё можно вылечить, если знать как.

Она ушла. Блейк смотрел ей вслед. Её походка была странной — она шла прямо, не оглядываясь, но иногда спотыкалась на ровном месте. И однажды он заметил, что её глаза не фокусируются на одном предмете, а блуждают.

— Ты слепая? — спросил он вечером.

Миранда замерла. Потом медленно повернулась к нему.

— Была. Теперь вижу только тени и свет. Я перенесла опе-

рацию, но нервы повреждены. Я почти слепая.

— И ты лечишь оборотней?

— Я лечу всех, кто нуждается. Зрение не нужно, чтобы чувствовать боль. У меня руки помнят больше, чем глаза.

Она подошла к нему, провела пальцами по его лицу — по скулам, по шраму на подбородке, по губам. Блейк замер. Её прикосновение было тёплым, живым, не таким, как у других людей, которые шарахались от него.

— У тебя красивое лицо, — сказала она. — Жаль, что я не могу его видеть.

— Ты бы испугалась, если бы увидела.

— Сомневаюсь.

Она убрала руку и ушла в дом. Блейк остался в хлеву. На небе падала звезда — зелёная, с длинным хвостом. Он загадал желание: «Хочу увидеть её лицо ясно. Хотя бы раз».

Звезда упала. И ничего не изменилось. Но в ту ночь ему приснилась Миранда — не слепая, смотрящая на него ясными серыми глазами. Она улыбалась. Во сне он протянул к ней руку — и проснулся в поту.

На второй неделе Блейк начал помогать по хозяйству. Он носил дрова — одной левой, потому что правое плечо ещё болело. Таскал воду из колодца. Рубил дрова. Миранда стояла на крыльце и слушала, как он работает.

— Ты сильный, — сказала она.

— Обратни сильные.

— Нет, ты именно сильный. Не как зверь, а как человек.

Многие мужчины боятся тяжелой работы. А ты нет.

— Я боюсь только одного, — сказал Блейк.

— Чего?

— Что однажды убью того, кого не хочу убивать.

Она подошла ближе, положила руку ему на грудь. Там, где билось сердце.

— Ты не убьёшь, — сказала она. — Я не дам.

Он не понял, что она имеет в виду. Но в тот вечер она впервые пригласила его в дом — не в хлев. Топила камин, заварила чай из трав, поставила перед ним кружку.

— Расскажи о себе, — сказала она.

— Не о чем рассказывать.

— Тогда я расскажу о себе. Я была оборотнем.

Блейк поперхнулся чаем.

— Что?

— Оборотнем. Чистокровным. Моя стая изгнала меня, потому что я полюбила человека. Они вырезали мне глаза, чтобы я не могла видеть своего мужа. Но я выжила. Операция вернула мне часть зрения. Но стая... стая исчезла. Я ищу их десять лет, чтобы отомстить.

Блейк сжал кружку. Глина треснула.

— Твоя стая — это...?

— «Красные когти». Ты слышал о них?

Блейк слышал. Это была та самая стая, которая изгнала

его неделю назад. Конкуренты, враги, убийцы. Они вырезали глаза и другим оборотням, которые переходили им дорогу.

— Они убили моего мужа, — сказала Миранда. — Он был человеком, обычным фермером. Я любила его. А они убили, потому что он видел их лица.

— Я убью их, — сказал Блейк.

— Нет. Это сделаю я. Ты поможешь.

— Ты слепая. Как ты убьёшь оборотней?

— Я не слепая. Я вижу тени. И я чувствую запахи лучше, чем любой зверь. И у меня есть серебряные когти. Настоящие, из хирургической стали с серебряным напылением. Я надену их и вырву им глотки.

Она выдвинула ящик стола. Там лежали пять когтей — длиной с палец, острые, поблёскивающие. Блейк взял один. Серебро обжигало кожу, но он сжал — терпел.

— Это оружие, — сказал он.

— Это моя рука, — ответила она. — Моя настоящая рука, которая помнит, как их убивать.

Она надела когти на пальцы — они сидели как влитые. Провела по воздуху. Блейк услышал свист — такой острый, что кровь застыла.

— Ты давно тренировалась, — сказал он.

— Десять лет. Каждый день. Я не спала ночами, чтобы научиться убивать вслепую. Теперь я могу убить вас всех.

— Зачем тебе я?

— Чтобы привести меня к ним. Ты знаешь, где их логово.

Ты был там неделю назад.

Он кивнул. Знал. И ненавидел это место. Подземный бункер в лесу, где пахло кровью и страхом. Где альфа по имени Кевин решал, кому жить, а кому умирать.

— Я приведу тебя, — сказал Блейк. — Но ты должна пообещать: ты не умрёшь.

— Не умру, — сказала Миранда. — Я уже мертва внутри. Снаружи просто оболочка.

Она сняла когти, положила обратно в ящик. Подошла к нему вплотную. Почти коснулась грудью его груди.

— Ты боишься меня? — спросила она.

— Нет.

— А зря.

Она поцеловала его. Губы сухие, но тёплые. Блейк не двигался. Он не знал, как реагировать — его четыреста лет никто не целовал по своей воле. Только по приказу, только в рамках охоты, только чтобы выманить жертву.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

— Потому что ты красивее, чем мой муж, — сказала она.

— И потому что я хочу почувствовать что-то перед смертью.

— Ты не умрёшь, — повторил он.

— Умру. Все умрут. Вопрос только в том, успею ли я убить их раньше.

На третьей неделе рана Блейка почти зажила. Он мог дви-

гать правой рукой, даже сжимать кулак. Миранда сказала: «Пора». Они собрались в дорогу — она взяла когти, нож, флягу с серебряной водой. Блейк взял только свои когти — настоящие, волчьи.

— Завтра полнолуние, — сказал он. — Я превращусь. Ты должна будешь меня контролировать.

— Контроль — это иллюзия, — ответила Миранда. — Я просто направлю тебя.

Они вышли в лес. Ночь была тёмной, безлунной — полнолуние наступит через несколько часов. Блейк вёл Миранду за руку. Она шла быстро, не спотыкаясь, хотя почти ничего не видела.

— Ты знаешь лес лучше меня, — сказал он.

— Я прожила здесь десять лет. Каждый камень знаю. Каждую ветку.

Они шли три часа. Блейк чувствовал приближение луны — кости ломило, кожа чесалась. Он знал, что через час превратится в зверя. Надо успеть.

Логово «Красных когтей» было в заброшенной шахте. Вход прикрыт камнями, но Блейк знал, где отодвинуть. Он отодвинул. Внутри пахло сыростью, кровью и псиной.

— Они внутри, — прошептала Миранда. — Я слышу их дыхание.

— Ты слышишь?

— Я слышу всё. Десять лет без зрения учат слышать сердцебиение на расстоянии.

Они вошли. Внутри горели факелы — слабый свет, но для Миранды это была просто тьма с рыжими пятнами. Блейк видел всё: лежанки, кости, оружие. И пятерых оборотней, которые сидели у костра.

— Кто там? — спросил Кевин, альфа. Голос низкий, властный.

— Тот, кого ты изгнал, — ответил Блейк. — И та, чьи глаза ты вырезал.

Он шагнул в круг света. Миранда — за ним. В руках она уже держала когти.

— Слепая сука, — усмехнулся Кевин. — Ты привела своего нового любовника? Он тоже станет слепым.

— Он станет твоей смертью, — ответила Миранда.

И бросилась.

Она двигалась быстрее, чем Блейк ожидал. Когти полоснули по горлу первого оборотня — Джима, который стоял ближе всех. Тот упал, захрипел. Миранда не остановилась. Она развернулась, ударила второго — в грудь, прямо в сердце. Серебро вошло в плоть, как в масло.

Блейк тоже превратился. Луна уже поднялась, и он почувствовал, как кости ломаются, перестраиваются. Шерсть покрыла кожу. Он бросился на Кевина.

Альфа был сильнее. Он сбил Блейка с ног, прижал к земле, вонзил клыки в шею. Блейк зарычал, но не мог вырваться. Тогда Миранда подскочила и вонзила когти в спину Кевина. Тот взвыл, отпустил Блейка, обернулся к ней.

— Ты! — заорал он. — Ты заплатишь!

— Я уже заплатила, — сказала Миранда. — Десять лет слепоты. Теперь твоя очередь.

Она полоснула его по глазам. Кевин закричал — по-звериному, протяжно. Кровь брызнула из пустых глазниц. Он упал на колени, зажимая лицо лапами. Миранда добила его — когтем в горло.

Остальные двое оборотней попытались бежать. Блейк догнал их и разорвал в клочья. Когда всё кончилось, он стоял посреди логова, весь в крови, и тяжело дышал. Миранда сидела на корточках у тела Кевина, снимала когти.

— Ты жива, — сказал Блейк.

— Я жива, — ответила она. — И я отомстила.

Она улыбнулась — но улыбка была кривой, почти злой. Блейк подошёл, помог ей встать.

— Что теперь? — спросил он.

— Теперь я должна уйти. Я не могу оставаться с тобой.

— Почему?

— Потому что я не та, кем ты меня считаешь. Я не цельница. Я убийца. Я использовала тебя.

Блейк отшатнулся.

— Что?

— Я знала, что ты изгнанник из «Красных когтей». Я специально ждала у шахты, когда тебя ранят. Я хотела, чтобы ты привёл меня сюда. Я не спасала тебя — я нанимала тебя. Ты был моим оружием.

Блейк сжал кулаки. Внутри поднималась ярость — не волчья, человеческая. Самая горькая.

— Ты лгала мне?

— Я не лгала. Я просто не говорила правду. Да, я была оборотнем. Да, мне вырезали глаза. Да, я хотела отомстить. Но ты не был нужен мне как любовник. Ты был нужен мне как собака, которая приведёт к цели.

Она повернулась и пошла к выходу. Блейк схватил её за руку.

— Постой.

— Отпусти.

— Нет. Ты не уйдёшь, пока я не услышу ответ. Ты чувствовала что-то ко мне? Или всё было игрой?

Миранда замерла. Её слепые глаза смотрели куда-то в сторону, но Блейк видел, как дрожит её подбородок.

— Чувствовала, — сказала она тихо. — Этого я не планировала. Я не хотела влюбляться в оружие. Но ты оказался слишком... живым.

Она вырвала руку и выбежала наружу. Блейк бросился за ней.

Над лесом падала звезда. Зелёная, длинная, она летела прямо на них. Блейк загадал желание: «Хочу, чтобы она осталась».

Миранда тоже загадала — он не знал какое.

Звезда упала в лес, в нескольких сотнях метров. Раздался глухой удар, земля дрогнула. Но Миранда не остановилась.

Она бежала, спотыкаясь о корни, падая, поднимаясь. Блейк догнал её, обнял сзади.

— Пусти, — прошептала она.

— Нет. Ты сказала, что любишь меня. Я тоже тебя люблю.

Это не должно кончиться.

— Должно. Потому что я принесу тебе только боль. Я проклята. Каждый, кого я люблю, умирает. Мой муж умер. Ты умрёшь.

— Я оборотень. Я не умираю.

— Все умирают. Даже оборотни. Вопрос времени.

Она развернулась, посмотрела на него — почти прямо, почти видя. В её глазах стояли слёзы. Настоящие, человеческие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.